

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Т.В. Пустошкина

МЕЖДУ РОМАНТИЗМОМ И ДИДАКТИКОЙ. О ТОМ, КАК РЕБЕНОК МОЖЕТ ПОМЕШАТЬ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ В ЗАБЫТОМ РОМАНЕ И.С.ГЕОРГИЕВСКОГО "ЕВГЕНИЯ, или ПИСЬМА К ДРУГУ"*

Роман И.Георгиевского "Евгения, или Письма к другу" (1818) принадлежит к так называемой литературе второго ряда. Это обстоятельство позволяет исследователю обращаться не столько к собственно художественной, эстетической природе текста, сколько к отражению в нем характерных для эпохи культурных, бытовых, поведенческих норм, а также "тенденций развития литературы" [2, с.8]. Так, на наш взгляд, роман Георгиевского служит прекрасной иллюстрацией тому, насколько тесно в литературе начала XIX века сосуществовали друг с другом различные взгляды на ребенка.

Как известно, в обозначенный период времени популярными считались идеи Ж.-Ж.Руссо, связанные с его идеей "естественного" человека, который более всего соответствовал образу ребенка. Соответственно состояние детства воспринималось как золотая пора светлых чувств и чистых помыслов, призывающих взрослого мир обратить свой взор к природе и увидеть, как беззаботно и счастливо на ее лугах резвятся дети.

Особый взгляд на ребенка предлагает и романтическая литература, развившая и углубившая руссоисскую идею "естественного человека". В романтизме дитя становится неким откровением взрослому миру, согласно которому человеческая жизнь начинается с детства и заканчивается им как символом возможного достижения романтического идеала, иными словами, достижения гармоничного равновесия всех сил мироздания и человека как такового. С другой стороны, в активно развивающейся в это время детской литературе на первый план выводится другая концептуальная доминанта в восприятии детства, которое предстает здесь как начальная ступень в познании мира и требует покровительства взрослого, обладающего правом поучать, наставлять, воспитывать. Отсюда герою-ребенку детской литературы приходится умещаться в

* Исследование осуществлено в рамках программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 гг.)». Мероприятие 2 «Проведение фундаментальных исследований в области естественных, технических и гуманитарных наук. Научно-методическое обеспечение развития инфраструктуры вузовской науки». Регистрационный номер 2.1.3/4109 «Проект «Забывтое и второстепенное в жанре романа XVIII-XX вв.»».

жестких дидактических рамках, подчиненных общей педагогической установке превратить неопытного дитя в разумного взрослого.

Заметная противоречивость "дидактической" и "романтической" концепций детства обуславливает тот факт, что ребенок в романтических произведениях предстает совсем иначе, чем в литературе для детей. Однако при всей устойчивости типологии детских образов в литературе первой четверти XIX века в истории литературы имеются примеры своеобразного "соседства" этих двух взаимоисключающих концепций внутри одного произведения. К таковым относится роман Георгиевского "Евгения, или Письма к другу".

Заметим, что сам этот роман также возник из чувства глубокого противоречия, переживаемого его автором. О противоречивости натуры Георгиевского говорит и П.А.Плетнев, опубликовавший "Евгению, или Письма к другу" после смерти ее создателя. Так, по его словам, будучи учеником Тверской Семинарии Георгиевский предпочитает детской игре взрослые беседы с товарищами, в которых он "отваживается свободно открывать свои мысли" [4, с. V]. При этом "детские забавы" сверстников не доставляют ему "истинной радости" [4, с. V]. Мальчик "до излишества" увлекается разными науками, особенно математикой, что, по мнению Плетнева, и подрывает его здоровье. Хотя, как кажется Плетневу, нарочито "взрослое" поведение призвано скрывать необычайно чувствительную душу, "которой природа отличает своих любимцев" [4, с. II]. Учеба же в Петербургском Педагогическом Институте становится для Георгиевского открытием мира древней словесности, философии, литературы. Он читает в оригинале Шиллера и Руссо, в воображаемых беседах с которыми постепенно выстраивается и самое жизненное пространство молодого человека, исполненное мечты, уединенности, покоя, безмятежности. Тем самым можно заключить, что Георгиевский-студент в отличие от Георгиевского-семинариста, говоря словами Плетнева, скорее "младенец" [4, с. XIII], чем не по годам развитый юноша, умеющий рассуждать взрослому. Плетнев в этом отношении также отмечает, что "общество, связи, отношения - все сии слова для Ивана не были понятными" [4, с. XIII], что вся его сущность выражалась в стремлении - вслед за призывами Руссо - покинуть столицу и всю жизнь наслаждаться "ясным небом, бархатными лугами и всем тем, чем украшается природа [4, с. XIV]. Вероятно, поэтому, Георгиевский с большим воодушевлением соглашается занять вакансию в маленьком, далеко удаленном от Петербурга городке Уральске, переезд куда он "украшает" типично романтическими аксессуарами. Так, подобно путешествующему Францу Штернбальду Л.Тика, Георгиевский непременно хочет посетить родителей, чтобы, по его словам, возобновить в памяти "золотые игры первых лет", вспомнить "страну, где мы впервые/вкусили сладость бытия" [4, с. XVI]. Этот романтический порыв разбудить в душе дремлющие с детства тайные струны, услышать вновь забытое делает очевидным напряженность внутренней жизни молодого человека, пытающегося выстроить свою реальность по образцу полюбившихся ему литературных героев.

Однако уральское окружение Георгиевского не только не поддерживает его стремление к "жизни в мечте", но и оказывается враждебным его чувствительной натуре. Осознание резкого контраста между действительностью и собственными ожиданиями заставляет молодого учителя переживать настоящее отчаяние, в полной мере выразившееся в его письмах к Плетневу, в одном из которых он пишет: "... Ты не чувствуешь всего ужаса той пропасти, в которую ввергла меня неопытность. И как чувствовать! Надобно увидеть самому Уральск, чтобы иметь о нем надлежащее понятие. Ах... ужели никогда не будет счастлив тот, коего сердце сотворено для счастья" [4, с. XXI]. Сам же Плетнев, отзываясь о новом положении друга, говорит, что "идеальное существо оказалось ввергнуто в область грубости и суеверия" [4, с. XIX].

Именно это трагическое жизненное противоречие Георгиевского и послужило той основой, на которой родился его роман "Евгения, или Письма к другу". Причем образ Евгения становится для писателя спасительным, поскольку, "окруженная тонким облаком", она словно уводила его от давящей действительности, и, по словам автора, "если бы ничто постороннее не расстраивало его больше, она бы могла вылечить его даже от болезни" [4, с. XXVI] (в Уральске у И.Георгиевского открылась чахотка). В связи с этим можно сделать вывод, что в своем романе Георгиевский в первую очередь пытается воспроизвести все то, чего ему самому так не доставля-

ло в жизни: "радость, непрерывные наслаждения" [4, с. XXXI], - так комментирует он рукопись своего романа, отправленную в Петербург Плетневу. В этом же комментарии писатель поясняет, что он "старался проложить для себя собственное поприще в литературе", задумывая "Евгению" как роман "без завязок и развязок" и ставя себе целью описать "прелести счастливой любви, блаженство супружества, нежные попечения родительские" [4, с. XXXI].

В изображении любви Георгиевский во многом идет вслед за романтической традицией. Так, обращаясь к приему романтического портрета, он наделяет Евгению чертами божественной красоты: "Большие глаза ее блистают ярким светом, проникающим в самую глубину сердца. Нежные розы, смешавшись с лилиями, улыбаются на прелестных ее ланитах. Черные локоны небрежно стелются по воле резвого ветра. Она идет медленно, едва касается цветов, смиренно преклоняющихся перед нею" [1, с. 2]. Подобная красота позволяет Георгиевскому воплотить в тексте романа романтический конфликт "личность-общество". Так, непохожая на окружающих Евгения "уводит" за собой и Эраста, приобретшего под ее влиянием иной смысл существования взамен прежней скуки светских раутов. Чужая в свете, Евгения, которая - в представлении героя - "наполняет собой целую вселенную" [1, с. 6], сполна предопределяет и бытийственный характер их любви, открывающий Эрасту целый "мир в глубине собственного сердца" [1, с. 7].

Следуя же своей установке, - говорить о "счастливых людях, чьи чувствования разделены между любовью и дружбой" [1, с. 37], - Георгиевский практически лишает героев традиционных препятствий на пути к счастью. Они живут безмятежной семейной жизнью, ежеминутно наслаждаясь близостью друг друга. Каждый день их союза - это воплощенная романтическая мечта, засвидетельствованная следующими словами главного героя: "Мой друг, если бы все жили столько счастливо, - небо, рай - не было бы слов сих в языках наших. Все желания смертного умирали бы в пределах сего мира" [1, с. 77]. Иначе, любовь, переживаемая героями в их повседневной жизни, выступает у Георгиевского прообразом небесной любви. Тем самым, по мысли писателя, высшее блаженство достижимо не только за пределами земного существования, но и на земле - благодаря способности смертного человека любить и при этом, - что немаловажно, - находиться в "совершенном неведении" [1, с. 74] в отношении переживаемого им неземного счастья, что, по мнению главного героя, и является "верхом нашего блаженства".

Способность пребывать в состоянии "совершенного неведения" роднит Эраста с героями романтического мифа о детстве, Генрихом фон Офтердингеном Новалиса, Францом Штернбальдом Тика, Лотарием К. Аксакова, чья жизнь, как известно, есть неуклонное возвращение к себе идеальному, т.е. в пору детства, отмеченного непреходящей любовью и гармонией. Отсюда Эраст, открывающий в любви "совершенное неведение" высшего блаженства, неосознанно для себя становится тем самым романтическим ребенком, обращенным к забытым ощущениям, связанным с "первым" - детским - переживанием неземного счастья.

Счастливому союзу героев Георгиевского не может помешать даже смерть Евгении от внезапной болезни. Согласно романтическим представлениям для возлюбленных она является лишь временной разлукой, до часа свидания за земными пределами, о чем с уверенностью говорит и сам Эраст: "один удар - и все бы свершилось" [1, с. 149]. Однако на пути "Туда!" ему встречается препятствие - собственный сын. Это обстоятельство продуцирует присутствие в "Евгении, или Письмах к другу" двух взаимоисключающих представлений о детстве - романтического и дидактического, - и обуславливает невозможность разрешения конфликта романа.

Так, появление сына в счастливом семействе хотя и "укрепляет их союз", но в то же время нивелирует "небесную" любовь родителей, становящимися простыми счастливыми смертными. Между тем, утратившие чувство высшего любовного блаженства, равноценное состоянию "совершенного неведения", тождественного детскому раю, Эраст и Евгения не способны в собственном ребенке прозреть посланника небесного рая, а с ним и небесного блаженства на земле. Объяснением этой духовной слепоты героев является то, что с рождением сына романтические любовники превратились в строгих и рассудительных воспитателей, не угадывающих в Юлиане "родственную" им душу [3, с. 36]. Отсюда оставшийся с ребенком после смерти Евгении Эраст, встает перед сложным выбором: либо сохранить небесное блаженство любовного пере-

живания, воссоединившись с Евгенией, либо отречься от любви и стать воспитателем Юлиана. Герой Георгиевского необыкновенно остро переживает сложившуюся ситуацию. В присутствии сына он "умирает каждую минуту", поскольку Юлиан "исторгает его из святилища" [1, с.154] воспоминаний о Евгении. Но на самом деле герой стоит перед ложным выбором, поскольку, отказываясь от сына (Эраст "препоручает" его другу), герой лишает себя посредника между собою и отошедшей в иной мир Евгенией, ибо кто как не Юлиан способен протянуть нить, связующую теперешний мир Евгении с земным миром Эраста.

Романтическая и дидактическая концепции детства, воплощенные в романе Георгиевского, обуславливают также стилистическое несовпадение первой части романа, где описывается история Евгении и Эраста, и второй, в которой появляется Юлиан. В ней автор выступает скорее как педагог, чем писатель, предлагая читателю целую "учебную программу" по воспитанию ребенка. В нее входят семь разговоров, в каждом из них указывается на "слабости" младенца и на способ исправления последних. Так, чтобы "сделать чувства сына тонкими" [1, с.98], надобно растить его в простоте и в труде, способность же ребенка к благотворительному поступку зависит всецело от наличия этой способности у родителей, поскольку именно "их рука будет насаждать имена добродетели во глубине детского сердца" [1, с.115]. Также родители должны стремиться к тому, чтобы ребенок как можно скорее научился "осмысливать свою жизнь", ибо "первые пути смысла возвещают в нас чувство истины" [1, с.113]. Поэтому с сыном надобно говорить об обществе, о собственности, о власти, о всеобщей независимости, о политическом устройстве государства и об обязанностях, которые оно накладывает на человека. По сути, речь идет о тех жизненных установках, которые выдвигались и пропагандировались философами и педагогами эпохи Просвещения: равенство людей, уважение к труду, право на счастье - эти высокие цели "разъяснялись" ребенку в формах дидактической и назидательной литературы, прописывающей нормы практического поведения в соответствии с вышеназванными требованиями родителей к детям.

В этой связи следует отметить, что в русской литературной традиции первой четверти XIX века герой-ребенок преимущественно воспитуемый персонаж, нуждающийся в руководстве взрослого. Отсюда попытки поместить ребенка в романтическую среду приводят к своеобразному "разламыванию" произведения - на собственно романтическую и дидактическую части, так, как это в "чистом виде" представлено у Георгиевского. Таким образом, анализ забытого романа "Евгения, или Письма к другу" помогает осмыслить функционирование образа ребенка в русской литературе начала XIX века на стыке двух актуальных в то время концепций детства - романтической и дидактической.

Литература

1. Георгиевский И.Евгения, или Письма к другу, собранные Иваном Гергиевским. СПб, 1818.
2. Кормилов С.И. Зачем изучать забытых и второстепенных критиков и филологов? // Забытые и "второстепенные" критики и филологи XIX - XX веков. Материалы научной конференции "Пятые майминские чтения". Псков, 2005.
3. См. об этом также: Костюхина М.С. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII-XIX веков. М., 2008.
4. Плетнев П.А. Вступительное слово к роману И. Георгиевского "Евгения, или Письма к другу" // Георгиевский И.Евгения, или Письма к другу, собранные Иваном Гергиевским. СПб, 1818.